

Поэзия без срока давности

Борис ЛУКИН,
Елена КРЮКОВА
г. Нижний Новгород

Мы – земляки с Борисом Ивановичем Лукиным, поэтом, эссеистом, переводчиком, антологистом, организатором фестиваля современной литературы, театра и кино «Наше время».

Три десятка лет назад он перебрался в Москву. Знакомство наше случилось в день презентации его проекта (Антология современной литературы России «Наше время») в Нижнем Новгороде, в старом здании Союза писателей на улице Минина. Мы сразу почувствовали человеческое и творческое единство.

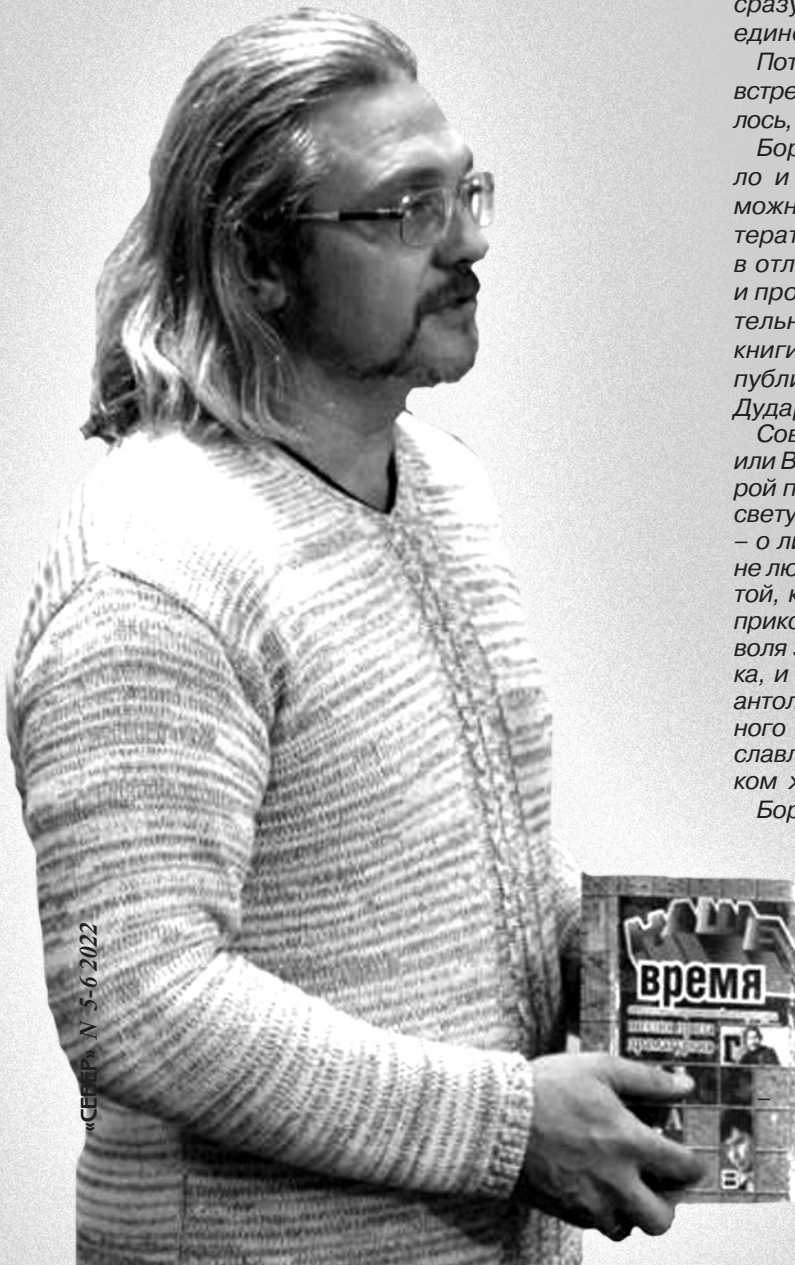
Потом были совместные выступления, дружеские встречи в домашней обстановке, как-то так получалось, что или на Рождество, или на Пасху.

Борис открыт людям, миру. Жить открыто – тяжело и ответственно, но он так живет. Ему всегда можно позвонить и обсудить животрепещущие литературные вопросы, новые работы коллег. Борис, в отличие от многих современных писателей, ещё и профессиональный читатель, вдумчивый, внимательный, постоянно отзывающийся в прессе на книги наших современников. В журнале «Север» публиковались его работы о творчестве Валерия Дударева, Дмитрия Мизгулина, Андрея Попова.

Современная литература, будь это Достоевский или Владимир Крупин, Есенин или Рубцов, – та, которой по силам утишить боль, дать надежду, повести к свету. Борис Лукин – автор многих поэтических книг – о литературных поощрениях и премиях упоминать не любит, считая, что никакая награда не сравнится с той, которой наделил его Господь, – возможностью прикосновения к родному слову, знающему, «какая воля здесь дала нам время...» Ему дан талант и эпика, и лирика. Он один из составителей поэтической антологии «Война и Мир» – масштабного национального проекта, опирающегося на идеологию и восславление Победы: биением ее сердца, ее кровотоком живёт наше настоящее.

Борис Лукин – один из редких представителей литературного процесса России. Он – подвижник-пропагандист творчества современных прозаиков и поэтов. Это ценнейшее человеческое качество, доброта и высота души художника – поддержать, помочь, понять. Я счастлива, что живу с ним в одно время, внутри одной истории, что у нас Родина одна.

Елена Крюкова

– Борис, тема «жизнь» для художника неисчерпаема... В твоих поэтических работах я ясно вижу два огромных пространства. Первое – теснейшая связь человека и природы, Космоса. Во всем: в лирике, в стихах-воспоминаниях, в стихах-посланиях, обращенных и к людям живым, и к дорогим ушедшим, звучит этот мотив, этот мелос – растворение в природе, единство с ней. Это чувство первозданное, мощная архаика. Откуда она у тебя?.. А второе пространство – это история. Время. Ты работаешь в слове с Временем, и история для тебя – не констатация свершившегося факта, а живое сияние душ и сердец... Верно ли я чувствую твою поэтическую атмосферу?

– Елена, всегда интересно узнавать мнение читателя. А ты непростой читатель, поэтому твоё мнение особенно интересно. Начнём про связь с природой... я уже два десятка лет живу с семьёй в деревне. Живём своим хозяйством, а не городскими гостями по выходным. Тут и не захочешь, а вживёшься в бытие сельское: дом топить надо, дрова добывать, пилить-колоть. Интересная иллюстрация: можно долго рассказывать коллегам писателям о своей жизни, но пока они не приедут, не проживут рядом со мной, не увидят ежедневный распорядок дня, не смогут поверить, что это делает человек пишущий, профессиональный писатель. Мой со-товарищ – смоленский поэт Владимир Макаренков однажды удивился, увидев, что я сам колю дрова и укладываю их в поленницу. Оказывается, он думал, что я приукрашиваю, насколько большие по размеру требуются поленницы для отопительного периода осенью-зимою-летом...

День мой может показаться по-своему нудным: постоянная забота о домашних животных, о скотине, летние полевые и огородные работы, зимняя чистка снега, заготовка дров... Это отнимает ежедневно не менее 3 часов, которые незаметно улетают, но и остаются во мне, в стихах: «Колю дрова – зиме навстречу. Судьбу пытаюсь обмануть...» или «Ты ворожишь над горсткою семян: Сегодня – огурцы, а завтра – тыква...»

Поле вспахать надо, и луг скосить, и огород полить, и за животными (утки, куры, гуси, кролики) постоянный уход нужен. И ещё не могу не упомянуть, насколько сильно природа вторгается в жизнь. Сильный ветер срывает крышу, обрывает провода, выворачивает с корнем деревья. Дикие животные (лисы, хорьки, коршуны и ястребы) воруют домашнюю живность, вплоть до котов. Один

внук-депутат знаменитого поэта-фронтовика даже пошутил (он думал, что это у него уместно получилось), узнав, что лисы у нас перерезали всю домашнюю птицу, спросив с улыбкой: «Вы лис тоже разводите?»

В недавней моей книге «Летосовершенство» окружающая природа показана достаточно ярко. Вот хотя бы стихотворение, которое родилось само по себе, с натуры:

*Яблоня выросла прямо у дома,
просто сама по себе.
Сразу я этого даже не понял.
Мало ль росточков в земле?*

*Только однажды листва поредела,
чудо сквозь ветки явив,
из голубого с вкраплением белого
яблоки звали: «Сорви...»*

*Дни словно ходики тикали споро.
Яблоки зрели мои.
И накануне начала морозов
снова я вспомнил про них.*

*Нету в природе явлений случайных,
каждому зверю свой плод.
Дружно на яблоне, ветки качая,
птичий резвился народ.*

*Мне же досталось по две половинки
прежде румяных чудес,
я их сложил по примете старинной
про женихов и невест.*

*Каждому горю сопутствует счастье;
только о том вспомним мы,
глядя, как райское древо качают
ангелы света и тьмы.*

А если о созерцании мира... То тут совсем всё просто – люблю смотреть в окна, они у меня на разные стороны света: в одних солнце всходит, в других заходит. А фоном для этого вечного движения – всё то, о чём я немного уже рассказал.

Про архаику... Тут скорее не я в неё погружаюсь, а она сама вторгается в мою жизнь. Так было с написанием книги исторических очерков «Обитель» о псковском Крыпецком монастыре и его насельниках. А параллельно рождалось лиро-эпическое сказание «Чернец». Так получается, что мы порой помыслить не можем, что же из

предложенного нам судьбой окажется нами питано, воспринято, пережито и воспроизведено в слове.

Я много езжу по стране. Но именно Крыпецкая обитель, находящаяся в 850 км от моего дома, стала для меня частью человеческой и творческой жизни. Естественно, если мы погружаемся в материалы, которые созданы за пять веков до нашего рождения, мы сталкиваемся и с языком того времени. Зачастую он настолько непонятен, что даже словари порой не помогают (почти как с расшифровкой берестяных грамот). Мне было затруднительно работать над переложением Жития преподобного Саввы Крыпецкого (написано пресвитером Василием-Варлаамом в XVI веке) на современный русский язык. В Житие есть свой ритм, своя метафористика, свои общепринятые, но обязательные штампы. Это оказался поразительный опыт познания творчества человека, жившего четыре столетия до нас.

Об этом долго можно говорить. Лучше вспомню случай из недавней реальности на омской земле. Есть у меня поэма «Междуречье». Вопрос возник всё о тех же архаичных церковнославянизмах. После одного из выступлений спросили, зачем я ищу и вставляю в стихи эти слова? Я даже удивился... Какие, спрашиваю. Оказывается, обычные, из молитвослова слова человеку неверующему кажутся чужими, устаревшими. Мат ему – не архаика!

Разве я сознательно ищу тему и направление? Нет. Судьба предлагает. А я отбираю из предложенного. Так было с переводом поэмы «Зоя Космодемьянская» татарского классика Гали Хужи. Он написал поэму в 1942-м, по горячим следам, находясь на фронте. В 1943-м ее издали. На русский она никогда не переводилась. Мне же она попала в каталоге Национальной библиотеки Татарстана, где я работал по сбору материала для антологии «Война и Мир» (Великая Отечественная война в русской поэзии). Так я задумал, а позднее осуществил её перевод на русский, частично опубликовал в «Литературной газете» с большим предисловием. Теперь дело за малым – издать поэму.

– Ты солнечный поэт и солнечный человек, несмотря на остро ощущаемый тобою изначальный трагизм жизни. Что есть для тебя бытие? Счастливы ты на земле?

– Отвечая на этот вопрос, надо философский трактат писать. А я всего лишь поэт. Пишу стихи. Есть среди них и нерадостные, как в цикле «Кни-

га скорби». Но в основном, действительно, я стараюсь запечатлеть светлые моменты жизни. Хотя с годами всё труднее отсеивать случайный шум времени, который подавляет волю, вносит хаос в сознание, отнимает желание работать.

Кстати, о работе. Может быть, это один из инструментов счастья. Он должен быть всегда настроен... Я каждый день работаю за письменным столом от 6 до 10 часов. Разным может быть это бдение. Но оно не только дисциплинирует, оно требует ещё и сосредоточенности.

И, конечно, семья многое значит. Семья у меня в основном творческая: жена недавно защитила диплом на журфаке, одна из старших дочерей – актриса, режиссёр театра и кино, драматург, сын – прозаик, студент Литературного института и по совместительству контрактник в бригаде морской пехоты.

Я с трудом переношу долгое одиночество. После рабочего дня мне надо пообщаться в семейном кругу. Жена и дети – все они в моих стихах. Радости и печали – чаще всего созидающего характера.

*Спи, любимая, колышет
ветерок снежок.
Это ангел тихо дышит;
вот ещё... ещё...
а куда он спокоен –
нам ли до тревог...
значит, нами он доволен,
и, быть может, Бог
умилённо снегом, снегом
заметёт свет весь,
для единства с человеком
ангела с небес.*

Есть этот мотив и в двух моих поэмах «Междуречье» и «Сад земной», обе в форме венка сонетов. Вообще, я люблю самоограничение и в жизни, и в творчестве. Форма сонета хорошо помогает мобилизоваться и сказать всё в 14 строках.

А счастье... это только на вид, как что-то переменчивое, как погода. По моему опыту оно постоянно в определенной концентрации присутствует у каждого в жизни. И однажды солнце счастья всходит над нашим горизонтом. Но оно и закатывается за тот же горизонт. Важно уметь сокращать промежуток между заходом и восходом... или стараться проживать его с наименьшими потерями, чтобы не сетовать на его отсутствие; это же роптать на Божию волю.

– Ты не раз обращался к истории Отечества. В твоих стихах – и русские витязи Куликова поля, и пушкинская пора, и черные тучи войны с фашистом... Небо твоей поэзии все усыпано крупными звездами славных русских времен. Куда мы, по-твоему, сейчас идем? Хранится ли в людских сердцах это благоговение, эта память? Ведь в ней и сокрыта драгоценность Родины. Или наш путь – в никуда, в стереотип, в мир симулякров?

– История... она во мне с детства. Главным историческим событием для меня всегда была Великая Отечественная. В ней участвовал папа на фронте, в тылу трудились мама, дед. За обеспечение бесперебойной работы паромной переправы через Волгу в годы войны дедушку, Петра Николаевича Лукина, наградили высшей наградой СССР – орденом Ленина. Поразительно, но в семье никогда об этом не вспоминалось. Крошечный домик многодетного орденосца до сих пор сохранился на одной из улочек города Бор.

А память? Простые люди лучше хранят память об исторических событиях, чем чиновники. Недавно побывал с семьёй на рубеже обороны Москвы в 1941 году – под Кремёнками (несколько километров от Серпухова), где фашисты были остановлены. Золотова Светлана Викторовна – подвижник, профессиональный строитель, а сейчас директор музея, решила посвятить свою жизнь чему-то важному, не сиюминутному. Сделала прекрасную экспозицию. А вот Вечный огонь ей никак не удастся зажечь. Оказывается, он государственная собственность, поэтому частное лицо не может заниматься его ремонтом. Я обратился за помощью к брянскому поэту Вадиму Терёхину, он многие годы был министром культуры этой губернии. И в итоге этого или время пришло, но в конце 2021 года чиновники нашли деньги, чтобы зажечь Вечный огонь у стелы...

Стереотипы для истории опасны. Но как не переписывать учебники, есть ещё память народа, а она в частной переписке, песнях, в произведениях писателей. В Национальной библиотеке Дагестана попался мне толстенный сборник народных песен периода Великой Отечественной. Удивительное свидетельство из первых уст: в нём отражены все вечные темы человеческой жизни в трагический период истории.

А подмена осуществляется. Посмотри, что происходит на сцене театра, на киноэкране... Шапты... И если раньше это были штампы социалистического реализма, то теперь это штампы капиталистического очернизма, граничащего с надругательством над историей русского народа. Вот и пишутся такие, например, стихи:

Мы были последние дети
у тех, кто вернулся с войны.
И как же нам в чудо не верить?
И как нам не помнить вины?
Привычно всё детство стеснялись
милейших своих стариков;
не братья и сёстры рождались,
а темы для наших стихов.
Хотя только Ангел Хранитель
мог, ведав о них, дотерпеть –
когда над разверстой могилой
нам время настанет запеть.
Любовь или смерть нас разбудит?
Но Музу в толпе различив,
сотрём одиночество буден,
найдя в жизни тыщу причин.
Чудно... если внуки и дети
не станут нас слушать про то:
...не сладко понять –
мы последние
из тех – не убитых войной.

– Ты ведешь совершенно уникальный проект – многотомное собрание поэтов Великой Отечественной войны. Думаю, это действие не только во имя священной памяти, во славу павших, но и во имя будущего. Его вектор направлен в будущее – люди грядущих лет должны знать, кто отдал за них жизнь. Сколько книг этого проекта вышло на сегодняшний день?

– Проект антология «Война и Мир» задуман президентом Литературного фонда «Дорога жизни», поэтом Дмитрием Мизгулиным. Восемь лет я, как редактор-составитель, тружусь над собиранием материалов, а Фонд издаёт. Создан сайт проекта, на котором можно увидеть изданные 9 томов (<https://stihi1941-1945.ru/>). Пока в планах 15 томов. Идея проекта проста: сохранить для потомков духовную память об этой страшной войне, выраженную в поэтической форме. Стихи – высшая форма словесного искусства, поэтому в стихах невозможно солгать. Именно стихи о военном и послевоенном периоде помогут нам не дать исказить картину жизни страны в те десятилетия.

Антология «Война и Мир» – не собрание стихов, а скорее собрание авторов. Это армия русской поэзии, её Бессмертный полк. В девяти то-

мах почти 2500 имён со всей территории огромного СССР.

Конечно, хочется, чтобы проект приносил реальную пользу. Я бы даже сказал, начал жить своей жизнью. На сайте есть карта, там можно найти свою малую родину, посмотреть, кто из авторов твой земляк. Это задумывалось в помощь краеведам. Уже сейчас школьники и студенты активно используют материалы сайта для учёбы.

Мечтается о совместной работе с молодыми актёрами. Мой товарищ, сахалинский писатель Владимир Семенчик (один из авторов проекта «Современная литература России «Наше время») недавно воплотил свою задумку об инсценировках стихов. Его опыт работы на телевидении подсказал ему именно такое решение – ролики для постоянного прокручивания в эфире.

Ещё хочется объединить литературные музеи страны (очень многие помогают мне в сборе материалов для антологии), чтобы их новости пополняли биографию авторов «Войны и Мира», позволяя им жить сегодняшними задачами (если так до-осмыслить жизнь текста после смерти автора).

– Каким ты видишь этот бесспорно святой проект – книгами в тиши библиотек или такой передвижной акцией, с чтением этих стихотворений, поездками по городам и весям, – проектом звучащим, с обратной связью с людьми, с живым общением?

Как люди знакомятся с книгами этого уникального собрания? Где уже прошли вечера и встречи, посвящённые проекту «Война и Мир»? Где планируются?

– Фонд «Дорога жизни» рассылает антологию по библиотекам страны бесплатно. Кроме этого, я езжу с презентациями и дарю университетам и библиотекам полные комплекты. Но с каждым годом всё труднее это делать. Томов уже 9, в каждом в среднем по 700 страниц, в итоге комплект весит около 10 кг.

Планов предостаточно... Но сейчас я подстраиваю под рабочие задачи. Например, в прошлом году посетил Кавказский регион, где плодотворно работал в национальных библиотеках Дагестана и Кабардино-Балкарии. Работал в Ессентуках, Минеральных Водах, Севастополе, Мурманске, Санкт-Петербурге. И везде были встречи с читателями.

В ближайших планах посещение Новосибирска, Красноярска, Владивостока, Владикавказа, Петрозаводска, Сухуми... Работы предстоит мно-

го. И чем дальше я собираю, тем масштабнее впереди работы. Вот хотя бы одно из выявленных направлений: перевод произведений поэтов братских республик на русский язык.

А побывал я с проектом в Вологде, Краснодаре, Севастополе, Махачкале, Нижнем Новгороде, Якутске, Смоленске, Рязани, Казани, Сыктывкаре и т.д. География обширнейшая.

– Борис, расскажи про свою жизнь, про свою повседневность. Знаю, ты живешь в непосредственной близости с природой, в собственном доме. Как строится твой день? Нагружаешь ли ты себя тысячью дел? Интроверт ты или экстраверт? Потребны ли тебе люди, интенсивное общение, масса событий, в которых ты принимаешь живое участие, или ты любишь затвор, сосредоточенность?

– Я немного уже рассказал о своей жизни. Но сделаю некоторые уточнения. Географически это очень древнее село Архангельское в треугольнике Можайск-Руза-Верее. В прошедшем году исполнилось 200 лет нашему храму, который возвёл русский архитектор Осип Иванович Бове (1784, Санкт-Петербург – 1834, Москва). Это было одно из его имений. В 50-х годах прошлого века здесь родился один из крупнейших поэтов прошлого века – Николай Федорович Дмитриев. Мне посчастливилось переселиться в Архангельское в первый год нового века. Здесь, на просторе ещё не уничтоженных лесов, очень хорошо работается, хотя совсем непросто выживается. Были годы, когда приходилось ездить на работу в Москву почти ежедневно. А это под сотню километров. Но эти периоды были недолгими: редакция «Российского писателя», «Литературной газеты», МХАТ им. Горького... – всё было очень увлекательно и полезно как опыт, но всему приходит своевременный финал.

Главное остаётся: дом, хозяйство, семья, каждодневная литературная работа. Благо, что у меня отличная домашняя библиотека. И обычно я нахожу в ней все требуемые в работе материалы.

Затвор и уединение творческому человеку так же необходимы, как общение и события. Побывал в ноябре в Якутии на Фестивале «Благодать большого снега», который собирает переводчиков якутской литературы со всего мира. Это небывалое по внутренней энергетике мероприятие подзарядило меня. В Москве проходит много всяких литературных встреч, но все они почему-то больше расстраивают, чем вдохновляют. Вместо столичной суеты

коллег-писателей предпочитают уединение. Хотя недавно присутствовал в доме Пашкова на презентации новых шедевров книгоиздательства и меценатства: фонд «Возрождение Тобольска» Елфимова преподнес в дар библиотеке факсимильные книги Евангелие Достоевского и четыре письма с каторги, всё с комментариями. А как эти издания великолепно оформлены! Советую всем посмотреть их в фонде редкой книги. В тот день в зале оказались очень деятельные творческие люди со всей страны. Это редкий для Москвы случай стечения единомышленников.

Но иногда требуется уехать, чтобы за короткий срок, не отвлекаясь ни на что житейское, плодотворно поработать. Есть у меня такое местечко в Республике Коми – Лемью. В заснеженном доме творчества в марте я очень люблю углубиться в стихи, переводы, статьи и очерки. И удалось уже многое почти за десять лет моих весенних пребываний в Лемью. Недавно родилась у меня идея издать книгу с названием «Лемью», где под одной обложкой объединить всё сделанное в этом местечке.

– *Твои корни из Нижнего Новгорода. Что для тебя Нижний сейчас, по прошествии большой части жизни? Возвращаешься ли ты в Нижний мыслью, чувством, в реальности? Если в реале – как ты оцениваешь состояние нынешней нижегородской литературы? Я вот думаю, что никакой «местной», «местнической», «здешней» и «тамошней» литературы нет: есть русское искусство, и искусство, так же как любовь, – или есть, или его нет... А пресловутая провинция – ведь это и есть Россия...*

– Я довольно рано уехал из города Горького (тогда он назывался именно так) – в 18 лет. И бываю теперь в Нижнем наездами. Сейчас связывает с родной стороной несколько ниточек: товарищи-коллеги: ты, Евгений Эрастов, Валерий Сдобняков... а ещё родственники (живые и умершие), земля предков – далёкое село Неледино, дом деда на Бору.

Провинция... Сегодня в этом определении больше географическая составляющая. Вот возьми Якутию или Сахалин. Относительно Москвы – невообразимо далеко. А можно ли их назвать провинциями, когда по многим жизненным составляющим они намного опережают столицу. Живут и работают там люди, которым почти не требуется завезенная рабочая сила. Справляются сами с обеспечением жизнедеятельности городов и предприятий, с образованием и здравоохранением,

обработывая свои поля, заботясь об уникальной природе. Мне, наоборот, кажется, что столичная жизнь всё сильнее – глубокая духовная провинция, без корней, без земли, без настоящего дела. Москва скорее огромный музей и одновременно спальный вагон, в который постоянно заходят-выходят новые посетители и пассажиры.

Нижний – особенное место в России. Лучевая речная ландшафтная составляющая явный стимул для творческих поисков и воплощений. Но мне в нём не пишется, зато молится с упоением и в Саровской пустыни, и в Макарьевском Желтоводском монастыре, в полюбившихся нижегородских церквах и соборах, в одном меня крестили, в другом я впервые встречал Пасху Христову.

В поэме «Ганнибал» есть глава о посещении Макарьевской обители:

*В пыли дорог устав, нет мочи,
за Волгу плыл... Там перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
кипит обилием своим...
Так было... Но теперь иные
здесь виды – тусклые, больные,
и волны бьют у самых стен
монастыря – предвечный плен.
И я тут был: чрез пень-колоду
валили мы лесов простор,
чтоб реку вывести в затвор,
пустив века веков под воду.
«Кто знал, что вождь наш был неправ?» –
так думал я, к мощам припав.*

*Героя моего романа
усладно было вспоминать
чернила Керженца в тумане
и что огромная страна
вдруг просыпалась к работе,
не зная о своей свободе
и ведая, что счастье есть;
в тумане падших звёзд не счесть.
А ныне нам отец Владимир
про Желтоводский монастырь
поведал явь, как будто сны:
что лики кажутся лишь дымны,
то чернота нисходит с них –
с картинок лет переводных.*

– «Война и Мир» – архетип бытия. Это ритмика существования человека. Обречены ли мы на войну? Навечно ли это клеймо на человечестве? Или есть выход, избавление от вечного проклятия вражды и гибели?

– «Учение о спасении», выдвинутое Юнгом и Элиаде, очень похоже на ключ от этой двери, за которой выход из тоннеля, в начале и финале которого Война или Мир. Может показаться абсурдным такое умпостроение, но вспомним ключевые мысли солдат во время войны. Так как большинство из них были крестьянами, то и мечта у них соответствующая: вернуться поскорее домой, поле вспахать, хлеб посеять, урожай собрать, детей родить... Вот это и было тем ядром жизни, которое присутствует в культуре народа от древних времён до нынешних дней. Это воссоединение с родным для них миром удерживало от бесконтрольного погружения в войну, в смерть, в хаос цивилизации.

Обречённость войны чаще чувствуют городские жители. Сам город создаёт это поле враждебности. Многие коренные горожане отрицают это, но отрицают всегда агрессивно, их защита больше похожа на нападение. Сегодня, когда на нашем континенте всё больше городов и всё меньше сёл и деревень, население само себя загоняет в тоннель, в котором про «учение о спасении» никто уже и не задумывается. Отсюда клеймо смерти, лежащее на нынешнем поколении, которое нечем стирать. Я не вижу перспектив у городской цивилизации. Но, как мне кажется, знаю несколько возможных способов борьбы. Религиозные люди знают о силе молитвы. Образованный человек знает о силе слова. Тут, несомненно, совпадение в самом понимании значения понятия «слово». Вот с этим пониманием спасающей силы «слова» я и работаю над антологией «Война и Мир». Конечно, это в некотором роде созидание одного из Мифов о Русском мире.

Несомненно, чтение стихов умягчит душу и обязательно развернёт взгляд человека от взгляда наружу на взгляд внутрь себя. Возможность выйти есть только через гармонию с самим собой.

– Огромное собрание твоего книжного – и, шире, культурного проекта «Война и Мир» – это и правда целый мир, огромная планета душ ушедших и живых. Что для тебя погибшие за Родину воины-поэты? Как ты живёшь, ты, поэт, с невероятной тяжестью этой русской священности, военного сакрала?

– С одной стороны, это сужение темы «Войны и Мира». Сам по себе вопрос о погибших имеет только один ответ, нами непредставима потеря того духовного творческого поля, которое могло бы существовать ещё долгие годы на Земле

и созидать добро. Именно этим созиданием добра в моём понимании и занимается настоящая поэзия.

Вообще, тема погибших поэтов особенно болезненно воспринимается в национальных республиках. Они почему-то считают, что их всех погнали насильно на фронт... В одном из последних таких разговоров пришлось напомнить о количестве погибших русских поэтов, одна только доска памяти в Литературном институте впечатляет...

В советское время много внимания уделялось воскрешению из забвения этих имён. В большой серии библиотеки поэзии вышел толстенный том. Нескольких книг вышло в серии «Обелиски» и «Имена на поверке». Но сейчас благодаря трудам подвижников обнаруживаются всё новые и новые погибшие поэты.

Жена говорит мне, сочувствуя, что я – главнокомандующий армии погибших и умерших поэтов. А я себя чаще чувствую одним из них... Мне намного ближе их переживания и мысли, чем мысли моих современников.

Как ответ-иллюстрация на вопрос: «Что для меня погибшие за Родину воины-поэты?» В одном из томов есть стихотворение семнадцатилетней девушки, написанное на стене тюремной камеры перед казнью. Я поместил его, потому что никто не может сказать, какого уровня поэтесса выросла бы из неё...

Столкновение читателей с сакральным на страницах антологии «Война и Мир» поможет сформировать остов/каркас исторической памяти. Поэтому мы до сих пор восхищаемся «Илиадой» и «Словом о полку Игореве», что сохранённый в них нерв жизни становится источником новых творений, самого желания жить и созидать.

Кстати, я никогда не задумывался, а сейчас вдруг осознал, что родился я в семье солдата, дети мои – солдаты. А я между двух времён поэт-воин.

– Ты лауреат литературных премий, это радостно, это празднично, пожалуйста, расскажи про свою последнюю награду! Есть мнение, что не в премиях дело, а дело – для истории литературы – опять же лишь в твоём таланте и в твоей работе. Но ведь во все времена земной культуры существовали и состязания, и награды... Думаю, это естественное состояние литератора, естественный процесс – показывать свои книги на премиях и конкурсах. А ты как считаешь?

– Не люблю литературных премий. Искусственно и фальшиво всё это. Вот такой мой честный ответ. Я против наличия их в нашей жизни. Но тут не обходится и без противоречия.

Мои труды (скромнее сказать не получается!) в этом году были отмечены дважды. И что важно для меня – без конкуренции. То есть это было сделано не в конкурсной программе какого-нибудь премиального процесса членами жюри. Сама жизнь привела к тому, что в Якутии было издано сразу пять книг с моими переводами якутских поэтов различных поколений. Таким для меня плодотворным в книжном плане стал 2021 год, но ведь к этим книгам я шёл почти 10 лет. Постепенно переводились стихи, ставшие теперь книгами. Это большой период моей творческой жизни, мне он дорог, как и Благодарственное письмо руководителя Республики Саха (Якутия) с формулировкой «за переводы якутской поэзии на русский язык». Хотя надо понимать, что никакой житейской, бытовой выгоды подобные письма с собой не несут.

Вернулся из Якутии и был приглашен на вручение историко-патриотической награды «Скрижали России» за редакторскую работу по собиранию и изданию первых десяти томов антологии «Война и Мир» (Великая Отечественная война в русской поэзии XX-XXI вв.).

Я не чувствую никакого морально-нравственного неуютя, что эти мои труды были замечены и отмечены.

Но вот в так называемых литературных премиальных процессах участвовать до сих пор отказываюсь. Слишком много суеты и творческой некомпетентности в выборе кандидатов.

Ещё в 2021 году порадовало, что была замечена работа моих друзей: редактор и писатель Сергей Овчинников (Тула), поэт и редактор Гавриил Андросов (Якутск) получили «Золотого витязя», Вячеслав Лютый (Воронеж) отмечен премией «Югра», а в 2020 году были награждены «Витязем» Валерий Сдобняков (Нижний Новгород) и Дмитрий Ермаков (Вологда). А калужский поэт Вадим Терёхин даже стал «Поэтом года» в Китае. Да и тебя не обошла судьба – неоднократно отметили твою прозу и поэзию в минувшем году.

И всё же премиальный процесс надо запретить, пока не определён статус писателя как литературного работника. Пока почти невозможно (в первую очередь для чиновников) отличить профессионального писателя и редактора от людей случайных, для которых это постпенсионный синдром или хобби.

– *Память. История. Время. Человек. Художник. Как ты, художник, решаешь для себя эту проблему?*

– Время... Учась в Литературном институте, перевёл короткое стихотворение Гийома Аполлинера из цикла «В тюрьме Санте», там как раз о невозможности существовать в едином пространстве-времени: «Как медленно тащится время, будто не жив – мощи давно... Ты оплачешь плача время; снова вспять летит оно, словно любое другое время».

Время... Оно ко мне благоволит, хотя бы потому, что на стенке в зале висят часы, которые были подарены родителям в день моего рождения, что и написано на тыльной их стороне. А значит, я чаще вспоминаю о нём, раз в неделю обязательно, когда завожу часы. Понятно, что с этим механизмом у меня мистическая связь...

Я – поэт, поэтому время предпочитаю ощущать как метафору, как абстрактный концепт, позволяющий думать об одних событиях через призму других. В этом вечности сиюминутность, в частности, отражённая в названии двух из моих книг «Долгота времени» и «Летосовершенство».

Центр ли мира поэт? Оглядываюсь... Рядом со мной ритм семьи, он своеобразен у детей и взрослых. А ещё календарь в виде литературных журналов, которые начинают календарный отсчет с середины 30-х годов прошлого века. На их страницах история государства СССР. А рядом на полках книги авторов Древней Греции и Рима в русском переводе...

В этом контексте разговор идёт не только о времени, но и о людях-художниках, которые оставили нам свой взгляд на историю. Итогом стала не только антология современной литературы России «Наше время», в которой 100 авторов со всей России (это моё поколение рождённых в 60-е), но и книга «Поединок» с подзаголовком «гражданская лирика». Это был полезный опыт, чтобы окунуться в своё собственное время. Именно во внутреннем времени мне оказалось интереснее существовать. В нём мне удаётся параллельно сосуществовать и с XV, и с XVIII, и с XIX веками. Как мне это удаётся? За счёт творческой работы в отрыве от всех странностей бытия цивилизации, не замечая, что я никогда не стану пенсионером, что платить за труд писателя и редактора никто не хочет, что жить приходится среди глухих и не умеющих читать современников. Пусть они не обижаются, но это моё профессиональное ощущение. Оно мною выстрадано, и правота моя доказана стихами, очерками, переводами, составленными

антологиями, проведёнными всероссийскими фестивалями. И понимание это появилось благодаря однажды дарованной мне вере в Господа нашего Иисуса Христа. Восстановитель Крыпецкой обители архимандрит Дамаскин об этом говорил просто и кратко: «Слава Богу за всё», то есть и за время, в которое мы погружаемся по собственной воле, сами его творим. Поэтому, хотя я и православный христианин, не согласен, что передвигаюсь вдоль горизонтальной оси... горизонтальность я соблюдаю (и то – порой) только в стихотворной строке.

– Борис, вопрос, всегда интересующий читателя: над чем ты сейчас работаешь? Какие новые твои книги мы скоро увидим и прочитаем? Если не секрет – поделись, пожалуйста, творческими планами и твоим творческим, рабочим сегодня...

– Продолжаю собирать и издавать антологию «Война и Мир». Надеюсь, что проект «Антология современной литературы России «Наше время» дополнится 6 и 7 томами. Работаю над изданием перевода поэмы Гали Хужи «Зоя Космодемьянская». Продолжаю переводить якутских поэтов,

начал работать с башкирскими и казахскими авторами. Собрал несколько книг стихов, очерков и критики в печать. А о новых творческих задумках и свершениях... тут время покажет, что будет воплощено. Но ясно одно – откладывать ничего в долгий ящик нельзя. Надо вопреки хаосу обыденности жить, любить, дружить, то есть созидать... Кажется, именно об этом я однажды сказал:

*Опять надо жить и работать,
а хочется только любить.
Отличья, мой друг, не найти
от страстного – тяглова пота...*

Беседу вела ЕЛЕНА КРЮКОВА

Справка:

Борис Лукин: поэт, критик, переводчик, издатель.
Родился в 1964 году в городе Горьком (Нижний Новгород).
Выпускник Литературного института им. А. М. Горького (семинар поэзии Е. М. Винокурова).
Работал редактором в изданиях «Российский писатель» и «Литературная газета»,
главным редактором МХАТ им. Горького.
Преподаёт в Институте театрального искусства им. П. М. Ершова.
Произведения постоянно публикуются в российских и зарубежных периодических изданиях.
На многие языки мира переведены стихи из книг «Понятие о прямом пути» (1995), «Междуречье» (2007),
«Долгота времени» (2008), «Поединок» (2010), «LeLь» (2012), «Сад земной» (2019), «Чернец» (2019),
«Летосовершенство» (2021).
Автор книг: «Жить-нам-поживать. Переводы из коми поэзии»,
«Олонхо на два голоса. Переводы из якутской поэзии».
Сопредседатель Комиссии по творческому наследию поэта Н. Ф. Дмитриева.
Руководил издательским отделом Иоанно-Богословского Савво-Крыпецкого монастыря во Пскове.
Итогом работы стал перевод, составление, издание текстов Жития святых прп. Саввы
и бл. Корнилия Крыпецких, а также книга «Обитель. Книга очерков из истории Крыпецкого монастыря».
Автор-составитель и редактор пятитомной Антологии современной литературы России «Наше время»
и пятнадцатитомной антологии «Война и Мир: Великая Отечественная война в русской поэзии XX – XXI веков».
Лауреат Большой литературной премии России и других премий.
Имеет государственные награды за литературные труды.
Живёт с семьёй в подмосковном селе Архангельское.
Его стихам присущи необычные фантазмагорийные сюжеты, яркость метафор,
неожиданность сравнений, а образу жизни – подвижничество.